

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

.....

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer

DUPLICATE DEATH
DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского *А. Ю. Кабалкина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Е. Половцева

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd
и литературного агентства The Buckman Agency.

Хейер, Джорджет.

Х35 Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Сэмпсон Уорренби? : [романы] / Джорджет Хейер ; [пер. с англ. А. Ю. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-097109-1

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки. Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон!

Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв. Им всем явно есть что скрывать...

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот. Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару.

Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа писателя до отставного майора, разводящего пекинесов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-097109-1

© Georgette Heyer, 1951, 1953
© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

*Эта книга написана в ответ
на претензии некоторых судей
и адвокатов, им автор и посвящает
ее со всем смирением.*

Глава 1

Утром в понедельник на подносе перед миссис Кейн красовалась стопка из нескольких писем многообещающего вида. Просмотрев их с выражением лица человека, надеющегося отыскать сокровище, она отобрала только два, почерк авторов которых свидетельствовал либо о прискорбной безграмотности, либо о малолетстве. Одно было надписано красными чернилами, другое — разъезжавшимся пером, в котором застрял волос. Оба были адресованы мистеру и миссис Кейн, но обращение к своему супругу миссис Кейн проигнорировала. Послания начинались, разумеется, со слов «дорогие мамочка и папочка», но та их часть, на какую притязал бы мистер Кейн, непременно должна была содержать приписку «скажи папе». Содержавшиеся в ней сведения обычно касались спортивных проблем. Срочные просьбы, от денег на удовлетворение ранее непредвиденных, а ныне остро насущных потребностей до немедленной отправки предметов, на чей поиск приходилось тратить несколько дней и силы, с редким постоянством адресовались именно мамочке.

Так происходило с того грустного дня, когда восьмилетний Сайлас Джеймс Кейн отправился в подготовительную школу. Ничего не изменилось и этим февральским утром, хотя Сайлас Кейн проявлял все больше интереса к областям знаний, необходимым для общего

вступительного экзамена в среднюю школу. Его младший брат Адриан Тимоти Кейн в той же школе Святого Киприана с радостью предавался всевозможным спортивным утехам и изводил нелюбимых наставников, стараясь как можно меньше утруждать себя на учебном поприще. Если бы кто-нибудь попросил, миссис Джеймс Кейн охотно пересказала бы письма сыновей собственными, совсем не лестными словами, но это не мешало ей каждый понедельник тщательно изучать почту и радостно выуживать из нее два письма, превращавшие понедельник в красный день календаря.

На сей раз — как, впрочем, и всегда — письма не изобиловали сведениями о моральном и физическом благополучии ее отпрысков. Материнский вопрос о болях у Адриана в животе, которые могли свидетельствовать — или не свидетельствовать — об аппендиците, остался без ответа, как и обращенное к Сайласу требование «узнать у мистера Кентмера, когда будут короткие каникулы, чтобы мы с папой могли вас навестить». Оба юных джентльмена сильно огорчились бы, если бы родители не приехали, но пока, в начале четверти, они были озабочены более животрепещущими темами, главной среди которых оказалось похищение мочалки у некоего Болтона Бэгби. Ее, как уведомлял Адриан Кейн, «выбросили из окна Большой спальни».

Джеймс Кейн, обрадованный этим местом в письме, усмехнулся:

— Вот чертенок! А что пишет Сайлас?

Миссис Кейн с любовью в голосе зачитала письмо своего первенца. Оно открывалось почтительной надеждой на доброе здоровье родителей. Автор просил передать папе, что «в матче против Сент-Стефанс мы выиграли 15:0, они продули вчистую». Умолял прислать ему конверт с почтовыми марками, помеченный

как «мой обменный фонд». Уведомлял мать, что ввиду склонности неназванного лица или группы лиц к воровству ему требуется новая пара перчаток для игры в «пятерки». В скобках красовалась трогательная приписка «если получится», а постскриптум содержал привет сестренке Сьюзен и новорожденному братику Уильяму.

— В общем, у них все хорошо! — Миссис Кейн спрятала в конверты оба захватывающих послания.

Мистер Кейн не стал спрашивать, на каком основании она сделала данный вывод. Его собственная почта содержала вызов в налоговое управление, который при недостаточном знакомстве с этой организацией можно было бы принять за неудачную шутку, поэтому просьба сына купить ему перчатки для игры в «пятерки» была воспринята в штыки. Разгневанный папаша разразился осуждением воспитания, которое дети получают от своей матери, позволяющего им расти в уверенности, что их отец — миллионер. Устав его слушать, миссис Кейн сказала:

— Хорошо, я напишу ему, что перчаток он не получит.

Джеймс Кейн был уравновешенным джентльменом, но, услышав ее слова, бросил на свою спутницу жизни презрительный взгляд, заявив, что сам об этом позаботится. Затем подставил свою чашку, чтобы жена долила ему кофе, и горестно заметил: с каждым днем Сайлас все больше становится похож на брата Тимоти.

— Кстати, о Тимоти! — подхватила миссис Кейн, поднимая голову от письма длиной в несколько страниц. — Мне написала твоя мать.

— Вот как? — Мистер Кейн заинтересовался и не стал открывать газету. — Что она пишет про Адриана?

— О нем ни слова... Хотя нет! «Скажите Джиму, что я надеюсь на него: хотелось бы избавить Адриана от не-

нужных волнений. Он очень слаб, и отвратительная погода не идет ему на пользу».

— Если Тимоти опять взялся за свое, то напрасно моя мать думает, будто я стану его урезонивать!

— Джим, дорогой, ты прекрасно знаешь, что придется, если он действительно связался с какой-то ужасной особой. Честно говоря, звучит зловеще!

— Моя дорогая, я достаточно наслушался о его сногшибательных блондинках от матери. — Мистер Кейн открыл «Таймс». — Что ее не устраивает на сей раз? Гардероб, происхождение, вообще все, что касается его новой пассии? Без сомнения, она права. Только зачем впадать в панику всякий раз, когда Тимоти заглядывается на очередную эффектную особу?

Он набил трубку и на десять минут погрузился в изучение статьи о гольфе.

— Ты идешь по ее стопам, — вскоре продолжил он. — Вы обе ведете себя так, словно Тимоти — кембриджский первокурсник. Я тоже от него не в восторге, но мое мнение — горбатого могила исправит. Если в двадцать семь лет ты падок на блондинок, значит, туда тебе и дорога!

— Тебе безразлично, что с ним будет? И потом, речь не о блондинке, а просто о новой девушке.

— Шустрый малый! — бросил Кейн.

Миссис Кейн пропустила его реплику мимо ушей и, нахмурившись, продолжила чтение письма свекрови. Наконец, подняв голову, она произнесла:

— Это совсем не смешно, Джим. Он намерен жениться на ней.

— Тимоти? Вздор!

— Он сам сообщил об этом.

— Но кто она?

— По словам твоей матери, она не может это выяснить. Похоже, у нее нет родственников, происхождение

неизвестно. Зовут ее, — миссис Кейн заглянула в письмо, — Бьюла Бертли. Леди Харт пишет, что это совсем не снобизм — интересоваться происхождением жены своего сына. Короче говоря, она не возражала бы хоть что-нибудь выяснить о ней и даже проникнуться к девушке симпатией.

— Мать с ней знакома?

— Да, они познакомились у Тимоти. Она пишет, что не понимает, что он в ней нашел, ведь она совершенно ему не подходит и лишена манер. От такой не приходится ждать ничего хорошего. У нее на лице написано «авантюристка» — вот вывод твоей матери.

— Господи! — вскричал Кейн. — Что за нелепость?! Месяца не прошло с тех пор, как мать содрогалась от другой красавицы блондинки и недоумевала, зачем Тимоти такая теща, как миссис Хаддингтон! Где он взял эту?

— У тех же самых Хаддингтонов. Она секретарь миссис Хаддингтон. Леди Харт пишет, что девушка настроена откровенно враждебно и вызывает подозрение. Мать ни слова не сказала об этом сэру Адриану, потому что таких, как эта девушка, он на дух не переносит. Зачем его волновать? Видимо, официального обручения еще не было. Потрудись прочитать письмо сам.

Кейн отложил «Таймс» и неторопливо, с явным намерением свести ее с ума — таково было мнение супруги — прочитал пять страниц, написанных убористым почерком. Затем сложил письмо и отдал жене.

— Ну? — нетерпеливо спросила она.

— Не скажу, что это приятное чтение. — Однако мы располагаем только мнением моей матери. Ты видела женщину, которую она сочла бы подходящей парой для Тимоти? Я — нет.

— Я тоже. Но разве не странно для девушки, знакомящейся с будущей свекровью, не сообщить о своих родителях?

— Может, дело в робости?

— Ерунда! Какая-то она подозрительная, Джим, ты сам это знаешь.

— Нет. А если бы и знал, то что мог бы поделывать, черт возьми? Я не опекун Тимоти!

— Но ты на много лет старше его. Он всегда любил тебя.

— Милая моя, — повысил голос от возмущения мистер Кейн, — возможно, я и являлся для Тимоти героем, когда он был мал, однако с тех пор прошло много лет.

— Конечно, я не утверждаю, что он по-прежнему смотрит на тебя как на полубога, но он тебя очень любит, Джим.

— Разумеется, ведь ему приходилось мириться с моим вмешательством в его дела, — мрачно буркнул Кейн.

— Джим, ты должен что-нибудь предпринять! Ты же не допустишь, чтобы Тимоти угробил свою жизнь? Что толку твердить, что он сам сможет позаботиться о себе? Он ведь бывший десантник. Если тебе все это безразлично, то мне нет. Никогда не забуду, как в ужасные времена Дюнкерка он казался мне ангелом. Ты находился тогда в Италии, а он использовал все два дня своего отпуска, чтобы навестить меня в отвратительном месте, куда я увезла детей. Пытался научить Сайласа ловить мяч, но все без толку, бедняжка был еще совсем мал! Он был таким милым!

— Неужели?

— Не Тимоти, а Сайлас. В общем, тебе нельзя бездействовать, Джим. Попробуй хоть что-нибудь выяснить об этой девушке. Почему бы тебе не съездить в Лондон и не повидать их?

— Я как раз отправляюсь в Лондон на следующей неделе и загляну к Тимоти, но что касается шпионства... Не хватало, чтобы в следующий раз ты стала подбивать меня нанять для слежки за этой злополучной особой целое детективное агентство!

— Ну, если она вызовет у тебя подозрения, то...

В тот момент, когда Кейн подыскивал слова, чтобы выразить свое возмущение, явились Сьюзен Кейн и Уильям Кейн в сопровождении деспота, помыкавшего всем семейством.

— Доброе утро, мамочка и папочка! — воскликнула Сьюзен. — Мы пришли поцеловать вас.

Она водрузила Уильяма Кейна на материнские колени, поскольку не собиралась лишать родителей их детей, и снисходительно улыбнулась Кейну-старшему. Затем смахнула пыль с каминной полки, поправила кресло и жизнерадостно заявила:

— Боюсь, для мамы нынче утром у нас неважные новости, хотя я, как про них услышала, сразу сказала Уинни: «Не надо тревожить миссис Кейн до завтрака». И папочка любит завтракать в тишине, ведь так?

Заметив газету, которую Кейн уронил на пол, Сьюзен подняла ее, аккуратно сложила и убрала подальше, чтобы он не смог до нее дотянуться. Кейн, приступивший к ежеутреннему ритуалу — обучению заходящейся от восторга дочери удержанию на кончике носа кусочка сахара, — украдкой покосился на жену. Миссис Кейн ответила ему ободряющей улыбкой, зная, что при первой же возможности услышит от него, что ей следует наконец сделать выбор между «этой женщиной» и любящим супругом. В особенно напряженных ситуациях Кейн уточнял, что ему неведома причина, по которой в собственном доме к нему относятся, как к помеси великовозрастного тупицы и двухлетнего ребенка. Сейчас

он добавил, что если это исчадие ада еще раз назовет его «папочкой», то за последствия он не отвечает. К счастью для порядка и спокойствия в доме, он либо слишком боялся няни, чтобы претворить свои угрозы в жизнь, либо хорошо сознавал ее незаменимость. К тому же няня, напоминая в военное время неприступную, хоть и улыбчивую сторожевую башню, достигла новых высот теперь, когда ужасы мира лишали хозяев последних жизненных сил.

Кейны, вернувшись во флигель особняка, унаследованного мистером Кейном от бабки, ввиду чрезмерного налогообложения не могли содержать восемь-девять человек, необходимых в доме и в поместье, и признавали в высокопрофессиональной и накрахмаленной владычице детской подлинное сокровище, чья грубая жизнерадостность превращала в ничто любой домашний кризис. Когда уволилась кухарка, прослышавшая, что в Лондоне она сможет зарабатывать втрое больше, поскольку столичных жителей угрозами легко загнать в дорогие рестораны, няня лишь рассмеялась, добавив, что если мамаша тоже будет иногда присматривать за детьми, то она решит проблему сама. Если горничная Уинни, эта умственно отсталая (что, по утверждению няни, было заметно далеко не всем), бросала работу из-за зубной боли и упрямого отказа выдрать больной зуб, няня утешала страдальицу ночь напролет. Невосприимчивая к новым веяниям, няня, все же слышавшая про прогрессивную доктрину «максимальная плата за минимальный труд», отмела ее, заявив, что «языком серебряные приборы не отчистишь». Нельзя было не восхититься авторшей этого благородного постулата, отвечавшей на соблазны новой эпохи презрительным фырканьем и усердной обработкой ложек и вилок!

Теперь этот образец преданности заявил с видом человека, пересказывающего забавный анекдот:

— Итак, мамочка, утром Флорин не явилась, что меня не удивляет, ей ведь платят раз в неделю, а сегодня только понедельник. Невелика потеря, скажу я вам, хотя обо всем, что она вытворяет, я умолчу: меньше разговору — больше дела, да и что оплакивать пролитое молоко! Я и думаю: посажу Билла в коляску и пойду в деревню, спрошу миссис Формби, не согласится ли она помочь, хотя «помочь» — не то слово, учитывая, сколько вы ей платите, но я о другом. Кухарка кухаркой, но, может, Сьюзен тоже не прочь сходить в деревню, верно, лапочка? Нет, вы только посмотрите на эти липкие ладошки, а ведь еще надо нагреть воду, Джексон-то забыл про котел, уходя вчера домой! Куда катится мир? Да, мамочка, миссис Формби — лучший выход, но на вашем месте я поместила бы объявление в «Глазго гералд», потому что эти шотландки — чистюли, чего о многих других, чьих имен мы в этой компании не называем, не скажешь, верно ведь, детки?

Утратив способность и дальше внимать речам этой чудесной особы, Кейн встал из-за стола с неуклюжестью, свойственной тем, кто оставил лучшую часть левой ноги во вражеской земле. То, что Кейн думал об этой своей потере, он никому не говорил, и единственный произнесенный им вслух намек на нее был благодарностью Провидению, снабдившему его протезом и позволившему не пасть в глазах потомства, слышавшего неоправданную похвалу от их дяди Тимоти. Но для миссис Кейн зрелище надевания папочкой протеза всегда было испытанием, и всякий раз она с замиранием сердца наблюдала его хромоту.

— Забудь про Тимоти! — воскликнула миссис Кейн. — Тебе обязательно ехать на следующей неделе в Лондон?

Джеймс Кейн улыбнулся ей, в три прыжка обогнул стол, чтобы поцеловать ее в щеку и ласково про-